

Содержание

<i>Глава 1.</i> Нежданные гости.....	7
<i>Глава 2.</i> Баранина на вертеле.....	39
<i>Глава 3.</i> Передышка.....	58
<i>Глава 4.</i> Через горы и под горами.....	69
<i>Глава 5.</i> Загадки в темноте.....	83
<i>Глава 6.</i> Из огня да в полымя.....	110
<i>Глава 7.</i> Беспокойный хозяин.....	133
<i>Глава 8.</i> Пауки и мухи.....	163
<i>Глава 9.</i> Спасительные бочки.....	197
<i>Глава 10.</i> Радужная встреча.....	217
<i>Глава 11.</i> На пороге.....	232
<i>Глава 12.</i> Кража со взломом.....	243
<i>Глава 13.</i> Пустое логово.....	268
<i>Глава 14.</i> Огонь и вода.....	283
<i>Глава 15.</i> Затишье перед бурей.....	295
<i>Глава 16.</i> Ночной вор.....	307
<i>Глава 17.</i> Буря над одинокой горой.....	315
<i>Глава 18.</i> Обратный путь.....	330
<i>Глава 19.</i> Снова дома.....	341

Глава 1

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

В норе под землей жил да был хоббит. Нет, не в какой-то грязной противной норе по соседству с дождевыми червями, не в гадкой сырой норе, откуда тянет промозглым воздухом, но и не в пыльной и голой песчаной норе, где не на чем посидеть и нечем перекусить. О нет, то была хоббитская нора — уютная и со всеми удобствами.

В нору вела круглая, как корабельный люк, дверь, выкрашенная зеленой краской. Точно посередине двери желтой шишечкой торчала блестящая бронзовая ручка. Дверь отворялась внутрь, в большой коридор с полукруглым сводом, похожий на печную трубу (только без дыма и копоти), очень уютный и хорошо обустроенный: стены обшиты деревянными панелями, мощный плиточный пол застлан ковром, повсюду удобные кресла и много вешалок и крючков для пальто и шляп, потому что хоббит любил приглашать гостей. Коридор постепенно заворачивал: он шел вдоль склона, не забираясь далеко в глубь Холма (как именовали его окрестные жители), — и по обе стороны открывались небольшие круглые двери. Никаких лестниц: спальни, умывальные комнаты, погреба, кладовые (их было, прямо ска-

жем, немало), гардеробные (их тоже было несколько: в одной комнате вся одежда не помещалась), кухни, столовые — всё располагалось на одном этаже, и даже в одном коридоре. Парадные комнаты находились по левую руку (если смотреть от входа), и только в них были окна: круглые окна в глубоких нишах, выходившие в сад, за которым виднелись луга, спускавшиеся к реке.

Наш хоббит был весьма состоятельным хоббитом и носил фамилию Бэггинс. Бэггинсы проживали в окрестностях Холма с незапамятных времен и считались очень почтенным семейством — не только потому, что почти все Бэггинсы были богаты, но и потому что они никогда не позволяли себе никаких приключений и вообще не совершали ничего неожиданного: всегда было точно известно, что именно скажет любой Бэггинс в том или ином случае. Но наша история — о том, как однажды на долю Бэггинса выпало таки приключение, и он, к собственному изумлению, вдруг начал говорить и делать такое, чего никто не мог от него ожидать. Наверное, он утратил при этом уважение соседей, зато приобрел... впрочем, сами увидите, приобрел он в конце концов что-нибудь или нет.

Матушкой нашего хоббита... кстати, а знаете ли вы, кто такие хоббиты? Похоже, надо кое-что рассказать о них, ведь нынче хоббиты сторонятся Большого Народа (как они называют людей), и теперь их нечасто встретишь. Ростом они примерно в половину нашего, пониже бородатых гномов. К слову сказать, у хоббитов борода не растет. В них нет ничего волшебного, если не считать волшебством совершенно естественное умение беззвучно и быстро исчезать из виду, едва поблизости, топая как слоны, появляются всякие бестолковые неповоротливые верзилы, вроде нас с вами,

которые пыхтят так, что слышно на милю вокруг. Хоббиты склонны отращивать брюшко; они любят яркие одежды (особенно желтые и зеленые); башмаков не носят, потому что ступни у них грубые, а на ногах от подошвы до щиколоток — теплая густая бурая шерстка, под цвет курчавых волос. У хоббитов длинные ловкие смуглые пальцы и добродушные лица; они смеются густым мелодичным смехом (с особенным удовольствием — после обеда, а обедают хоббиты дважды в день, если получится). Ну вот, пожалуй, для начала и хватит.

Итак, матушкой нашего хоббита — Бильбо Бэггинса — была достославная Белладонна Тук, одна из трех незабвенных дочерей Старого Тука, главы хоббитов, который жил по ту сторону Реки (как именовалась небольшая речушка, протекавшая у подножия Холма). Поговаривали (в других семействах), будто давным-давно кто-то из Туков взял себе жену из дивного народа. Глупости, разумеется, но Туки и впрямь чем-то отличались от остальных хоббитов, и некоторые из них время от времени срывались с места и отправлялись искать приключений. Они исчезали тихо и незаметно, и семья старалась замять это дело, но факт остается фактом: Туки считались не столь почтенным семейством, как Бэггинсы, хотя были куда богаче.

Впрочем, Белладонна Тук с тех пор, как вышла замуж за мистера Банго Бэггинса, ни в каких приключениях не участвовала. Банго Бэггинс, батюшка Бильбо, выстроил для нее (и частью на ее деньги) роскошнейшую нору, самую лучшую из всех нор, вырытых под Холмом, за Холмом или по ту сторону Реки, — и жили они там до конца своих дней. Но все же вполне возможно, что Бильбо, ее единственный сын, по виду и всем повадкам — вылитый мистер Бан-

го, степенный хоббит и домосед, получил в наследство от Туков некую неуловимую странность, которая только ждала случая себя проявить. Случай долго не подворачивался — Бильбо дожил почти до пятидесяти лет в прекрасной норе, построенной отцом, которую я только что описал, и казалось, ничто уже не заставит его тронуться с насиженного места.

Но вот однажды — давным-давно, когда шума было поменьше, а зелени побольше, и хоббитов еще было много, и они благоденствовали, когда все было тихо-спокойно, и Бильбо Бэггинс стоял поутру после завтрака на пороге своей норы и курил длинную-длинную деревянную трубку, которая едва не касалась его босых ног с мохнатыми пальцами (шерстка была аккуратно расчесана щеткой), — случилось так, что мимо проходил Гандалвь.

Гандалвь! Если вы знаете хотя бы четверть того, что слышал о нем я, — а я слышал лишь малую толику того, что, наверное, можно о нем услышать, — то вы, как я полагаю, уже ждете какой-то невероятной истории. Где бы ни появлялся Гандалвь, там тотчас начинали происходить самые удивительные истории и затевались небывалые приключения. Он давно не заглядывал в эти края, к Холму, — по сути, с тех самых пор, как умер его друг Старый Тук, и хоббиты уже почти позабыли, каков Гандалвь с виду. Он странствовал по своим делам далеко за Холмом, по ту сторону Реки, и в последний раз его видели, когда нынешние отцы семейств были еще хоббитятами.

Поэтому Бильбо понятия не имел, кто перед ним, когда тем самым утром увидал подле своей норы старика с посохом. На старике была высокая синяя островерхая шляпа, большой серый плащ, серебристый шарф, скрытый под

длинной, ниже пояса, белоснежной бородой, и огромные черные сапоги.

— Доброе утро! — простодушно сказал Бильбо. Утро и правда было доброе: солнце сияло, трава по весне зеленела.

Но Гандалфв взглянул на него, насупив густые косматые брови, торчавшие из-под полей шляпы.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он. — Просто желаете мне доброго утра? Или хотите напомнить, что утро, мол, доброе, нравится это мне или нет? Или это вам оно кажется добрым? Или, по-вашему, нынче утром вообще все должны быть добрыми?

— Да всё вместе, — ответил Бильбо. — И вдобавок — прекрасное утро, чтобы выкурить трубочку у дверей. Если у вас есть трубка, присаживайтесь, попробуйте моего табачку! Торопиться некуда, целый день впереди! — И Бильбо уселся на скамеечку перед дверью, положил ногу на ногу и выпустил из своей трубки аккуратное колечко серого дыма — оно поднялось вверх и уплыло куда-то за Холм.

— Прелестно! — произнес Гандалфв. — Но мне сейчас недосуг пускать колечки. Я ищу того, кто бы мог поучаствовать в приключении, которое я устраиваю, но пока никого не нашел!

— Еще бы, в наших-то краях! Мы простой, мирный народ. Я вообще приключений не жалею. Придумают же!.. Сначала всякие неприятности, передраги и неудобства, а потом к обеду опаздываешь! Не понимаю я, что в этом хорошего, — сказал наш мистер Бэггинс, заложив большой палец за подтяжку, пыхнул трубкой и выпустил еще одно колечко дыма, больше прежнего. Затем он достал утреннюю почту и принялся читать письма, не глядя на старика и при-

творяясь, что занят своими делами. Бильбо счел, что такой собеседник ему не подходит, и надеялся, что тот отправится дальше своей дорогой. Но старик не двинулся с места. Он стоял, опершись на посох, и молча смотрел на хоббита, так что в конце концов Бильбо смутился и даже слегка разозлился.

— Доброе утро! — повторил он. — Мы здесь ни в каких приключениях не нуждаемся, благодарствуйте! Поищите кого-нибудь за Холмом или по ту сторону Реки. — На самом деле он просто хотел сказать, что разговор окончен.

— Похоже, ваше «Доброе утро» годится на любой случай! — произнес Гандальв. — Теперь оно означает, что вы хотите избавиться от меня и что утро не будет добрым, пока вы меня не спровадите.

— О что вы, что вы, любезный сэръ, — простите, я, кажется, не знаю вашего имени?

— О нет, любезный сэръ, разумеется, знаете, — а я знаю ваше, мистер Бильбо Бэггинс. Вы знаете мое имя, хоть и забыли, что это имя — мое. Я — Гандальв, и Гандальв — это я! Подумать только, до чего я дожил: чтобы сын Белладонны Тук не нашел, чем меня приветить, кроме «доброего утра», словно я пришел к нему пуговицы продавать!

— Гандальв! О небо, Гандальв! Тот самый странствующий маг, кто подарил Старому Туку пару волшебных бриллиантовых запонок, которые сами застегивались и никогда не расстегивались без разрешения? Тот, кто рассказывал такие дивные сказки про великанов, драконов и гоблинов, про то, как спасают принцесс, и про то, как сыну вдовы привалила удача? Тот, кто устраивал такие чудесные фейерверки! Я их помню! Старый Тук любил фейерверки на Середину Лета. Ах, как было замечательно! Огни так и взле-

тали вверх, раскрываясь, как огромные лилии, как львиный зев, падали, как золотой дождь, сияли весь вечер в сумеречном небе! — (Вы уже, наверное, догадались, что мистер Бэггинс очень любил цветы, и кроме того, как видите, он не всегда разговаривал так, как пристало солидному хоббиту, каким он себя считал.) — О небо! — продолжал он. — Тот самый Гандальв, чьей милостью столько примерных молодых хоббитов отправлялись невесть куда искать приключений? И каких только безрассудств они не творили: начинали с того, что лазали по деревьям, а в конце концов убегали погостить к эльфам! Или даже пускались в плавание, подумать только, они плавали на кораблях к чужим берегам! Ах, как было тогда инте... я имею в виду, вашими стараниями тогда все было просто вверх дном в наших краях! Прошу прощения, я никак не думал, что вы все еще... этим занимаетесь.

— А чем еще мне прикажете заниматься? — ответил маг. — Но как бы то ни было, отрадно слышать, что вы кое-что обо мне помните. По крайней мере, с удовольствием вспоминаете мои фейерверки. Значит, все не так безнадежно. И потому ради вашего дедушки Старого Тука и ради бедной Белладонны я дам вам то, о чем вы просите.

— Прошу прощения, я ни о чем не просил!

— Просили! И уже дважды — вы просили прощения. Я дарю его. И более того, — пожалуй, я позволю вам участвовать в приключении. И мне развлечение, и вам польза, а то и выгода, если доберетесь до конца.

— Извините! Спасибо, мне что-то не хочется никаких приключений! Нет-нет, только не сегодня! Всего вам доброго! Пожалуйста, заходите как-нибудь на чашку чая! Да хоть завтра! Да-да, заходите завтра! До свиданья! — Хоббит

развернулся, юркнул в нору и побыстрее захлопнул за собой круглую зеленую дверь, — конечно, не слишком резко, чтобы не показаться невежливым. Все-таки маг есть маг.

«И чего ради я пригласил его на чай?» — недоумевал Бильбо по дороге в кладовку. Вообще-то он недавно позавтракал, но сейчас так разволновался, что решил для бодрости осушить стаканчик и укрепить свой дух парой кексов.

А Гандальв еще долго стоял за дверью, негромко посмеиваясь. Затем подошел поближе и острием посоха нацарапал на красивой зеленой парадной двери некий странный знак. И зашагал прочь, в то время как Бильбо доедал второй кекс и думал о том, как удачно избежал приключений.

На следующий день он благополучно забыл про Гандальва. Бильбо вообще был немного рассеян и самое важное обычно записывал в Лист Текущих Дел, чтобы после не упустить из виду, например: «Гандальв, чай, среда». Однако вчера ему было не до того, чтобы делать пометки.

Когда подошло время пить чай, вдруг оглушительно зазвонил дверной колокольчик. И тут Бильбо все вспомнил! Он бросился напрямик на кухню, поставил чайник, достал еще одну чашку с блюдечком и еще пару кексов и лишь потом побежал к двери.

— Тысяча извинений, что заставил вас ждать! — только хотел произнести он, как обнаружил, что за дверью стоит вовсе не Гандальв, а какой-то гном с синей бородой, заткнутой за золотой пояс. Едва Бильбо отворил дверь, как этот гном, будто званный гость, не дожидаясь особого приглашения, шмыгнул в прихожую, сверкнув глазами из-под темно-зеленого капюшона, и тут же повесил свой капюшон на ближайший крючок.

— Двалин, к вашим услугам! — с низким поклоном произнес он.

— Бильбо Бэггинс — к вашим! — только и сумел вымолвить ошарашенный хоббит.

Они помолчали. Потом, когда молчать дольше стало неловко, Бильбо добавил:

— Я как раз собирался пить чай, заходите, пожалуйста, составьте мне компанию! — Получилось немножко натянуто, но Бильбо хотел быть учтивым. А вы бы как поступили, если бы к вам домой явился без приглашения незнакомый гном и безо всяких объяснений повесил плащ в прихожей?

За столом они просидели недолго. Еще и трех кексов не съели, как колокольчик у порога зазвонил вновь, громче прежнего.

— Извините! — проговорил хоббит и побежал открывать.

— Ну вот и вы, наконец! — думал сказать он, отворяя Гандальву, — но и на сей раз за дверью никакого Гандальва не было. На пороге опять стоял гном — в алом капюшоне, белобородый и очень старый, судя по виду. Он тоже, едва распахнулась дверь, шмыгнул внутрь, будто только его и ждали.

— Ага, наши собираются, как я погляжу, — произнес он, заметив на крючке зеленый капюшон Двалина, повесил рядом свой красный, а затем прижал руку к груди и сказал: — Балин, к вашим услугам!

— Спасибо! — сдавленным голосом проговорил Бильбо. Ответил он, разумеется, невпопад, но это самое «наши собираются» обеспокоило его не на шутку. Да, ему нравилось, когда приходили гости, но он предпочитал приглашать